

До того как пожениться, мои родители имели свои семьи. Родители матери, Клавдии Егоровны имели большое хозяйство, землю и трудолюбие, поэтому и жили богато. Только вот все это нужно было отдать в чужие, непривыкшие к труду руки, т.е. в колхоз, тем, кто сроду ничего своего не имел. Поэтому в 16 лет выдали свою дочь замуж за бедняка, разделили хозяйство, надеясь, избежать раскулачивания. В 20 лет мама стала вдовой, муж её умер, оставив её с дочкой на руках. Отец, Эмер Рудольф Францевич был из бедняков, тоже имел семью и двоих детей. Но первая его жена умерла с третьим ребенком при родах. Вот и сошлись два одиночества. Еще народились дочери: в 1935 – Катя, а в 1937 году родилась я.

Когда мне исполнилось три года и восемь месяцев, отца отправили в трудармию, на шахты под Тулу. А меня с матерью, сестрами и бабушкой отправили сначала вместе с такими же женщинами с детьми под Новосибирск, на работу под конвоем водили их на кирпичный завод, а потом на баржах подальше в болота Васюганские. Так оказались мы на Волчихе (посёлке спецпереселенцев на реке Нюрольке в Каргасокском районе тогда Новосибирской, а сейчас Томской области).

Жили в частной бане. В субботу банный день, выносили пожитки и целый день на улице, пока хозяева не помоются, а если вода останется, то и мы могли ополоснуться. Бабушка ходила по поселку и просила милостыню, видимо, от голода и померла, на Волчихе похоронили. Потом перебрались в п. Рабочий (посёлок спецпереселенцев). Мама стала работать в Гослове. Из сена плели маты и завешивали оконные и дверные проемы, холодно в бараке, спали все вместе, согревая друг друга теплом своего тела. Одежды теплой не было, дети в калошах на босу ногу, в платицах и голой п... с горки прокатятся пару раз и обратно в барак. Вот оно было «счастливое сталинское детство».

Потом перевели нас в пос. Шкарино (посёлок спецпереселенцев на реке Васюган). Работящая, на все руки мастер, мама сама выкопала землянку, сбила глинобитную печь, потолок накрыла, дверь, какую смогла соорудить повесила. Холодно, сыро, но угол уже был свой. Жили в землянке около 3-4-х лет. А вот голод мучил всегда. Летом еще можно набрать травы, лебеды, крапивы, кислицы, где и рыбку поймать, ягоды в лесу, а зимой страшный голод заставлял детей ходить по дворам и просить «За ради Христа» милостыню. Вспоминаю часто семью Сачковых в Шкарино. Муж суровый, выгонял попрошаек, сама хозяйка, добрейшая женщина, уже поджидала их. И, выпроваживая, что-нибудь да кидала в сумку: кости рыбы, кожурки картофельные или мороженую картошку. Вкуснее печеной мороженой картошки ничего не было, а кости рыбы, измельчив в ступке, мать заправляла водой туда и кожурки картофельные...

Первая радость наша была, это когда отец прислал деньги, чтоб мать смогла купить нам валенки. И когда мама решила израсходовать их по своему усмотрению, мы расплакались, упрекая её в том, что эти деньги были предназначены нам. Знали, что налог нужно заплатить, но так хотелось зимой обуть валенки, в конце – концов мама, понимая нас, расплакавшись, пошла покупать нам валенки. Теперь можно было ходить в школу и даже бегать на улице.

И вот вторая радость: купили дом, перебрались из землянки в настоящую комнату. Удивительные люди в Сибири, если сначала нас обзывали просто «фашистами» да «гитлеровцами», по имени-то не называли. Однако скоро поняли, что мы, немцы, ни в чём неповинные люди, как и когда-то они, сосланные кулаки. Работающие, скромные и всегда аккуратные.

Михаил Ольховский пришел с фронта инвалидом, ногу потерял на фронте. Поставили работать продавцом. Без ноги тяжело было ходить на работу, и он решил купить себе квартиру рядом с магазином. А маме предложил купить его домик, деньги можно было заработать, сдавая ему в магазин ягоду. Мать на работе, вот мы и собирали её, делая по два захода в лес. Брать ягоду легко, а выносить силенок не хватало. Но справились. Даже на оставшиеся деньги калоши купили.

Где-то уже в 1949 году отец хотел свою семью выписать к себе, но комендатура нас в Тулу не отпустила, и он приехал к нам в Сибирь. В этом худом, старом, изможденном непосильным трудом мужчине трудно было узнать маме своего мужа, а нам отца. В шахте он заработал туберкулез легких в открытой форме, входить его мама не смогла, лекарств не было, а народные средства оказались уже бессильны. Через три года папа умер и мама в 37 лет вновь осталась вдовой....

В школу я пошла, когда мне было уже 12 лет. Отец из Тулы привез матрасовку (солону вытряхнул), а её привез домой, конечно, старая, серая, но не в чем было идти на занятия, и Лиза Шкарина сшила костюмчик. Счастливая я отправилась в школу. И вот на уроке, учительница решила отметить одежду своих учеников. Называя всех по имени, она хвалила их за чистое платье, при этом сказав, что Эмер Маруся, видно не любит стирать свою одежду, поэтому ходит в сером от грязи платье. Я же, оглушенная несправедливым замечанием учительницы, низко опустила голову и долго горько плакала от стыда и обиды. Почти 70 лет прошло, но с болью вспоминаю этот случай в школе.

Дети ссыльных с малых лет работали в колхозе, в артели, нанимались на работу в люди, любым способом зарабатывали на пропитание, да и власть заставляла их работать. Уже в четвертом классе, лет 13-14 мне было, когда после занятий ходила на смолокурный завод и загружала осмол. Гнали смолу и скипидар. И в комендатуре тоже отмечались, был случай, когда бригадир отправил меня к коменданту за уход с работы, правда, пожалел тогда комендант Закамов меня и не стал наказывать. Шли годы. Вот уже и девушкой стала, и любовь пришла...

Комсомолец Матвей Русаков обратил внимание на меня, да вот незадача, немка по происхождению, разве можно такую полюбить? Полюбил... Расписываться не разрешали, в семье уже три дочери и сын народился, а все на мою фамилию записаны. Вот так унижали депортированных, и дети как незаконнорожденные считались. А ведь любовь приходит, не спрашивая власть советскую. Матвей Тимофеевич уже и коммунистом был, а его всё ещё укоряли, что на немке женился.

И, вот как-то приехала в поселок сотрудник ЗАКСа Таисия Прокопьевна Комлева, она-то и выдала нам свидетельство о браке, и всех детей записала на фамилию мужа. Я так благодарна всю жизнь этой женщине, так хотелось бы увидеть её и ещё раз

поблагодарить. Она, может быть, и не знает, что именно тогда я впервые почувствовала себя женщиной и женой!

Повезло мне с мужем, хорошо жили между собой. Семерых народили, всех подняли на ноги. Всю жизнь работали, держали хозяйство, огород, покос, всех накормить, обстирать надо было....

Казалось бы, кануло в Лету прошлое, только вот память не дает забыть те страшные для всего народа годы сталинских репрессий...

Мария Рудольфовна и сейчас, несмотря на свои преклонные года, по-прежнему сама старается вести свое хозяйство, правда скотину уже не держит, но в огороде управляется сама. Умеет она и повеселиться и спеть. И так отплясывает, «аж ноги горят». И никогда духом не падает, с высоко поднятой головой идет по деревне. Заработала почет и уважение односельчан. На неё всегда можно положиться, помнит она добро.

От интервьюера С.Р. Кереджи – Оглы

2015 г.